

лидеры общенационального масштаба, прежде всего мэр Львова А. Садовый. Важную роль на политической арене принадлежит одному из крупнейших украинских олигархов И. Коломойскому, сумевшему в 2014 г. самыми решительными мерами остановить пророссийские силы в ключевой Днепропетровской области. И, пожалуй, самое главное — нарастающее недовольство нынешней властью приводит к постепенному укреплению реформистских сил, выступающих за радикальное обновление украинских политической и экономической систем и сближение с Европой.

***

Противоречивые, динамичные, в чем-то хаотичные процессы, происходящие в последние год-два на мировой арене, показывают, что евроатлантическая цивилизация не нашла адекватный ответ на усиливающееся влияние сил и кругов, пытающихся остановить и повернуть вспять социально-политическую и экономическую модернизацию. Это, естественно, приводит к нарастанию конфликтности в международной политике, преодоление которой требует обновления концептуальных подходов и моделей, определяющих внешнюю и военную политику США и Европейского союза. Что же касается российской внешней политики, то, пожалуй, наиболее точный вывод был сделан В. Фроловым в короткой, но очень важной статье *Внешняя политика. Дипломатия освобождения* (имеется в виду освобождение от необходимости соблюдать международные правила, якобы сформированные без участия России после проигрыша в холодной войне, — что, мягко говоря, не совсем так — и направленные на сдерживание претензий РФ на ведущую роль в мире). Он пишет:

«Впервые в постсоветской истории внешняя политика России оторвана от экономических интересов и возможностей страны. Они оттеснены на задний план, а некоторые внешнеполитические успехи наносят ущерб экономике. Понятно, что бесконечно так продолжаться не может и будет произведена перекалибровка в пользу экономических интересов. Тогда станет понятна реальная цена *дипломатии освобождения*»²⁶

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СИРИЙСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЗЕРКАЛО БУДУЩЕГО

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ

Хаос... Это слово повторяют теперь все политики и аналитики применительно практически к любой значимой точке земного шара. И к Ближнему Востоку, и к Северо-Восточной Азии, и к Юго-Восточной Азии, и к Европе, на наших глазах захлестнутой волнами беженцев с понятными последствиями, в том числе в сфере безопасности. Дымок от назревающего хаоса в Центральной Азии уже стал ощущаться всеми. И даже — не поверите — местными *великими сердарами*. Островками стабильности в этом мире хаоса пока возвышаются водимая железной рукой Ким Чен Ына Северная Корея и США, которых многие *злые языки* упрекают в том,

что США, мол, этот хаос и создали. Но давайте отмотаем на некоторое время назад и посмотрим, КАК это все могло бы быть. Ведь все же могло быть иначе.

В мае 2014 г. ЕС и США могли принять решение о признании итогов референдума в Крыму. Могли. Нужна была лишь политическая воля и понимание неизбежности партнерства с Россией. Россию бы *обременили* долгосрочной — лет на 10–15 — скидкой на газ для Украины и единовременной выплатой некоторого вспоможения Киеву (миллиардов 30–35 долларов), а также потребовали бы торжественных обещаний полной неприкосновенности оставшейся территории. И не было бы бойни на Донбассе. И пассажиры злополучного малазийского Боинга остались бы живы. И россияне по-прежнему пребывали бы в убеждении о том, что они с украинцами — братский народ.

Весной и летом 2014 г. Б. Обама не стал бы убеждать саудовских принцев максимально провалить цену на нефть, а озаботился бы рентабельностью собственной нефтяной промышленности. Нефть осталась бы в комфортном коридоре 65–74 долл. США за баррель, а российские нефтедоллары исправно подпитывали бы американские и британские банки. Не было бы тревожного ожидания *доминанто* банкротств среди сланцевых инвесторов, которое толкает США к различным нефтяным авантюрам, в том числе с нефтью, прямо скажем, сомнительного происхождения, да и к становящимся уже откровенными махинациям со статистикой.

С Москвой можно было бы как минимум говорить о плавном переезде Б. Асада на одну из рублевских дач и поддержке плавного перехода власти к *оппозиции с человеческим лицом*, которую являл т. н. *Южный фронт*, наштабированный американскими и израильскими инструкторами и оружием. Нет, конечно, резня христиан и шиитов все равно бы произошла, но о ней, вероятно, мало кто смог бы узнать. Ведь европейскому и американскому обывателю — разумеется, в рамках *свободы слова* — нельзя показывать то, что может ранить его толерантное сердце. Вряд ли бы в Европу потек такой поток беженцев. Он был бы существенно меньше, да и проходил бы, вероятно, без той драмы, которую мы регулярно наблюдаем по телевизору. Да и ИГ не стали бы раскручивать и накачивать вооружением до такой степени, как это было в 2014–2015 гг. Россияне, погибшие при подрыве аэробуса над Синаем, тоже остались бы живы. Думаю, террористических актов в Париже вряд ли удалось бы избежать, но, возможно, их масштаб был бы меньше.

Москва продолжала бы бесконечный торг с Анкарой об условиях экономического сотрудничества, упорно делая вид, что не замечает ускоряющейся исламизации Турции и сращивания турецких правящих кругов с исламистским криминалом. А также активизации пантюркистских кругов в Поволжье и на Северном Кавказе.

Россия бы сохранила — при всех публичных декларациях — дистанцированность от КНР в военно-стратегических вопросах. И вряд ли бы после этого Пекин был столь активен, если не сказать агрессивен, в территориальных коллизиях со своими соседями. Ведь только появление полноценного российского стратегического ядерного зонтика на фоне юбилейного парада в Пекине позволяет Поднебесной изображать из себя фигуру, равную США: с точки зрения военно-стратегических возможностей США и КНР находятся, мягко говоря, на разных стадиях развития.

В России бы всерьез обсуждали инновации и возвращение к власти коалиции либералов в различных конфигурациях, приводя в пример соседнюю Украину, которая бы еще оставалась *стратегическим партнером*. И, вероятно, живой Б. Немцов собирал бы каждый месяц какое-то количество протестующих на радость московским корреспондентам западных агентств.

Это и многое другое вполне могло бы быть. Только надо было сказать два слова: **«Крым — ваш»**.

Но не случилось. Увы. Побрезговали наши западные партнеры, понадеялись на то, что Россия быстро сломается. В действительности эти надежды свидетельствовали о том, что они совершенно не представляли себе страну, которую собрались политически побеждать.

А дальше началось то, что называется в социальной философии *сила вещей*, из чего, собственно и вырос нынешний хаос. Как говорится, не захотели *по-хорошему*, будет, как будет. Причем только наивный может считать, что этот хаос носит чисто политический или военный характер. Нынешний хаос, который и не хаос вовсе, а кризис с неопределившимся пока вектором развития, — это комплексное явление, которое повлечет за собой передел всего или почти всего операционного пространства мировой политики и экономики.

Мораль: момент истины для любого политика — его способность увидеть ту самую *точку истинной бифуркации*, которая, возможно, случается лишь раз в жизни. А, бывает, и не случается. Точку, когда политический выбор будет иметь скорые, но долгосрочные последствия. Увы, ни один из современных действующих западных политиков этим умением не обладает. И это надо иметь в виду всем. И нам, и политикам по обе стороны Атлантики.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ПОБОЧНОЕ СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СЕТЕВИЗАЦИИ

Безусловно, крупнейшим событием последних месяцев стала цепь террористических актов, которая прокатилась от Парижа до Африки, в которой наиболее крупными были подрыв российского самолета над Синаем и бойня — по-другому не скажешь — в Париже. То, что мы увидели, это не привычный нам терроризм. Он не то чтобы совсем новый, но сильно отличающийся от основной массы террористических действий последнего десятилетия. Причем не столько своей жесткостью и масштабностью (в конечном счете, теракты 11 сентября 2001 г. в данном случае задали определенную планку, которую непросто будет преодолеть даже ИГ). Новелла последних террористических актов — это некая *новая системность*, новый организационный уровень. Его же следует считать наиболее значимой террористической угрозой.

Нацеленность террористических действий на создание, в первую очередь, паники в обществе. Не на достижение неких политических или экономических целей, не на оказание давления на политическую элиту, а именно на создание паники с нанесением максимального ущерба, прежде всего психологического. Хотел бы ошибиться, но, кажется, исламские террористы нащупали в европейских обществах ту идеологическую и психологическую трещину, расширяя которую, можно усугублять и без того заметное безволие европейских властей. Поэтому заявле-

ния о бессмысленности террористических актов в Париже совершенно не верны. В них как раз есть большой, можно сказать, стратегический смысл.

Активное взаимодействие и даже сращивание с криминалом. След от террористических актов во Франции привел в абсолютно криминализованные кварталы Парижа и Брюсселя, что очень о многом говорит. Европейский исламский терроризм естественным образом встроен в экономическую систему современного Евросоюза, который годами смотрел сквозь пальцы на интеграцию мигрантов в общество именно через криминальные каналы. В расчете, видимо, на *боснийский* опыт, когда бывших боевиков, в частности радикальных исламистов, отваживали от террористической деятельности путем вовлечения в разного рода криминальные бизнесы. Например, контрабанду сигарет и тому подобные шалости. Ну, то есть, пытались заменить *тяжелые* наркотики на *легкие*. Такая замена — вообще известный европейский стиль. И, поверьте, наши европейские партнеры будут пожинать последствия этой близорукости еще долгие годы.

Стал полноценной и апробированной операционной реальностью *распределенный, сетевой* терроризм. Этот принцип неоднократно описывался в профессиональной литературе, но на практике встречался сравнительно редко. Та же *Аль-Каида* даже по официальной версии представляла собой вполне структурированную и организационно консолидированную организацию. В данном же случае вообще сомнительно, что присутствовало какое-то централизованное управление, во всяком случае, на операционном уровне. Можно даже допустить, что не было полноценного сигнала к действию, а решение принималось инициативно или по команде относительно случайного человека.

Мы столкнулись с явлением, которое можно определить как *спящий терроризм*. То есть на постоянной основе могут существовать организованные ячейки, которые в обычной жизни никак не проявляются. Триггером становится сигнал от 1–2 человек. Здесь главная угроза даже не в том, что предельно сокращается время на подготовку террористического акта, а в том, что, с учетом масштабов и слабой контролируемости миграционных потоков в Европу в последние годы таких ячеек может быть бесконечное множество. И обычные, проверенные методики борьбы с терроризмом тут вряд ли помогут. Помните, что рефреном говорили про парижских террористов? *Они были обычными людьми*. И, вероятно, это совершенная правда. Для сегодняшней Европы они и правда были *обычными людьми*.

Мы столкнулись с явлением, которое можно назвать *контр-технологический терроризм*. В последние годы многие страны и на Западе, и на Востоке вкладывали колоссальные средства в создание разного рода технологических средств для превентивного выявления террористов и предотвращения террористических актов. Крупные европейские города буквально нашпигованы средствами видеонаблюдения, детекторами. Прослушивание телефонных разговоров и контроль электронной почты приобрели фантазмагорические масштабы, позволяющие говорить практически об отсутствии полноценной частной жизни. И все это оказалось бесполезным против кустарных бомб из селитры и старых АК, купленных у брюссельских бандитов. Объем инвестиций в технологизацию борьбы с терроризмом, похоже, оказался совершенно непропорционален полученному результату. И тут закрадывается другое смутное подозрение. А что, если не только инвестиции в борьбу с терроризмом, но и вся технологизация военной сферы,

которая происходила последние 25 лет, была тупиковым направлением развития военной мысли? И как тут не вспомнить формулу полузабытого военного теоретика из *отмороженных белогвардейцев* Е. Месснера о *мятежной войне* как о полноценной глобальной силовой парадигме²⁷. Правда, он связывал это с деятельностью Коминтерна. А Коминтерн отличался от новых мятежников, прежде всего, претензией на централизацию и смертностью от руки И. Сталина. У новых террористов этих уязвимостей нет.

Иными словами, хотя с тактической точки зрения последние террористические акты не несут в себе чего-то принципиально нового, в стратегической перспективе в них очень много очень нового. Нового и очень опасного. Более того, создается впечатление, что в стремлении *вбомбить ИГ в каменный век* мы начинаем упускать именно этот, наиболее опасный стратегический момент. Проблема заключается в том, что *новый* терроризм совершенно необязательно будет и дальше проявляться в связи с Ближним Востоком. Есть куда более экономически привлекательные регионы, которые также стоят на пороге начала силовой реструктуризации. Например, Азиатско-Тихоокеанский регион.

УМЕНИЕ ДЕРГАТЬ ЗА УСЫ. НОВАЯ ПАРАДИГМА ГЛОБАЛЬНЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Если последовательно читать новости, касающиеся развития военно-политической ситуации в мире, создается впечатление, что крупнейшие геополитические силы современности целенаправленно ведут дело к военному столкновению. Патрулирование вблизи границ, военные учения со стрельбой в направлении границы, взаимные перехваты самолетов и кораблей, облеты спорных территорий, порой резкие, *на грани фола* заявления политических лидеров. С точки зрения формальной логики международных отношений, такие действия каждодневно подтачивают международную стабильность, что привело бы в ужас любого политика времен *холодной войны*, не исключая и Н. Хрущева. И все это происходит на фоне кардинально сократившейся военно-силовой прозрачности в мире, а также институциональной недостаточности в сфере военно-политических отношений.

На этом фоне важным, причем не в тактическом, а уже в стратегическом плане моментом являются российско-американские договоренности об избегании военных столкновений авиации в небе над Сирией. Казалось бы, мелочь, но она не просто крайне важна, но и откровенно индикативна с точки зрения сегодняшнего уровня отношений между Россией и США. А уровень этот характеризуется углубляющимся стратегическим недоверием. И в таких условиях даже тактическое взаимодействие на формализованной базе способно многое изменить. Хотя, конечно, надо изначально признать, что выстраивание новых отношений в военно-политической сфере между Россией и США придется начинать с очень низкой точки, вероятно, с отрицательных значений.

Но ведь дело тут не только в России и США. Ровно то же самое можно сказать о бесчисленных взаимных жестких заявлениях по ситуации в Южно-Китайском море, а главное, действиях, которые также балансируют на тонкой грани между *военными демонстрациями* и *военными провокациями*.

То есть все, подчеркнем, все крупные военные (правильнее говорить, вероятно, военно-силовые) державы мира сознательно — маловероятно, что в руководстве сразу всех ключевых стран мира сидят откровенные безумцы, — снижают уровень международной стабильности, подводя ситуацию к той опасной границе, когда одна ошибка может привести к совершенно неконтролируемым последствиям. Но что это, если не безумие?

Вероятно, мы имеем дело с некоей самозащитной реакцией политических и военных лидеров современного мира, которые, утратив институциональные ориентиры в области безопасности — согласимся, что работающих институтов в этой сфере человеческой деятельности больше нет, — пытаются такого рода действиями *пометить* границы своей операционной территории. Причем, повинувшись естественному для политиков инстинкту, они стремятся хотя бы слегка *залезть* на территорию партнера и тем более оппонента. Просто обратите внимание на географию силовых демонстраций.

Конечно, есть существенная разница между поведением России, которая открыто демонстрирует свою способность к эскалации (примером чему является применение в локальном конфликте стратегических сил) и ее контролю, и усилением *предупредительной* риторики со стороны Китая, попытками Израиля расширить границы своего воздушного контроля в восточном Средиземноморье и стыдливыми демонстрациями силы (силы ли?) со стороны США в Южно-Китайском море, которые тут же сопровождаются заходом в какой-то китайский порт, чтобы Поднебесная не сильно обиделась. Да, все это — существенно отличающиеся примеры, но цель их примерно одна и та же: понять, *как еще* можно использовать военную силу в современном мире. Вероятно, старые модели применения военной силы, характерные для периода *постбиполярности*, уже утратили актуальность.

В целом, необходимо констатировать, что степень управляемости военно-политических процессов в современном мире существенно сократилась, что естественно в условиях если не распада, то существенного ослабления основных институтов, которые в той или иной степени регулировали глобальную и региональную военную деятельность. В конечном счете, трагический и крайне тревожный эпизод с уничтожением турецким истребителем российского самолета Су-24 М в небе над Сирией свидетельствует о тех крайне опасных последствиях, с которыми могут столкнуться государства в новом мире, когда один политик — в данном случае Т. Р. Эрдоган — утрачивает ощущение границ допустимого в демонстрации силы. Этот эпизод, в действительности, крайне важен. Он может послужить либо к возникновению новых *институтов*, которые будут предотвращать подобные события, либо спровоцировать исключительно опасную дестабилизацию международной обстановки сперва на *ближневосточном театре*, а затем и в более широком контексте. Главное, что стало очевидно: в современной системе силовых взаимоотношений *защиты от дурака* более не существует.

Но это понимание еще больше обостряется растущим ощущением не то чтобы политической безответственности, но явной глобальной политической несдержанности, характерной для все большего числа политиков. Политическая диффамация становится одним из легитимных инструментов внешней политики.

Правда, иногда случаются постыдные моменты, как, например, с Б. Обамой, которому пришлось конструктивно разговаривать с В. Путиным — лидером страны,

только недавно объявленной наряду с ИГ одной из главных угроз миру, экономике которой Б. Обама так героически *порвал*. Но и это тоже свидетельство кризиса глобальной политической институциональности, прежде всего, в той части, которая определяет пределы дозволенного в поведении сторон.

Значимость договоренностей, достигнутых по координации действий в Сирии, состоит прежде всего в том, что они становятся первыми ростками еще не доверия, но хотя бы понимания между странами, которые оказались вовлечены одновременно сразу в несколько локальных военно-политических ситуаций на фоне ухудшающихся двухсторонних отношений. Хотя надеяться на то, что из этих тактических договоренностей вырастет что-то действительно стратегическое, конечно, не приходится. Но хоть что-то.

В конечном счете, именно способность управлять эскалацией и не смешивать военные демонстрации с решением частных политических проблем и отделяет серьезного участника системы международных отношений от несерьезного, неспособного вести предметный разговор с партнерами и соблюдать обязательства.

СИРИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Ситуация вокруг Сирии развивалась политически стремительно, а военно-политически — по-восточному неспешно. Увлечшись вопросами стратегии и тактики, мы, кажется, упускаем из вида, что этот кризис имеет и ярко выраженный стратегический фон, и эффект.

Ключевой момент во всей ситуации вокруг Сирии представляет собой некую концептуальную петлю. Эта петля началась в тот момент, когда прозападный, в сущности, режим решили свергнуть без какой-либо жгучей необходимости, просто в рамках переформатирования пространства, которое перестало отвечать текущим геополитическим задачам. Эта петля еще больше закрутилась в тот момент, когда режим вопреки давлению не сломался, а стал активно защищаться. Петля затянулась еще туже, когда созданную первоначально для пропагандистских целей *зонтичную* структуру пришлось превращать в политический фактор, а затем в основу переформатирования региона. Эта петля превратилась в узел, когда *виртуальная реальность*, имитация *борьбы с ИГ* стала определять реальную политику ключевых государств мира, совершенно не стыкуясь с тем, что начало происходить *на земле*. Узел этот пришлось разрубать силой российской авиации, дабы вновь совместить политику, ставшую уж слишком виртуальной, с объективной реальностью.

Но, кажется, имеет смысл остановиться на тех *прото-уроках* — извлечение полноценных уроков потребует более серьезного осмысления — которые дала нам история *сирийского* конфликта.

Первое. Главная проблема, которая и порождает нестабильность в современных международных отношениях, — это отсутствие политической воли. А замечательной политической воли выступает риторика. Думаю, много кто отметил, что чем больше от политика исходит риторики, тем меньше у него на деле политической воли. Но попытка заменить агрессивной риторикой и информационными технологиями политическую волю уже породила немало *серых зон* в мировой политике и продолжит порождать их и впредь. Одной из таких *серых зон* стала пресловутая

территория ИГ. Рискну предположить, что второй станет ситуация вокруг *сладкой парочки* мировой политики — Саудовской Аравии и Катара. Ибо у Запада не хватает политической воли для того, чтобы приструнить эти зарвавшиеся *не по чину* государства. Это грозит большими и неприятными глобальными осложнениями. Есть в этой ситуации и обратная сторона: современная мировая политика построена по принципу *кто первый встал, того и тапки*. То есть тот, кто первый проясляет политическую волю, получает неоспоримые политические дивиденды. Как Россия, которая первой стала по-настоящему бороться с ИГ.

Второе. Так называемый *сирийский конфликт* был и продолжает оставаться территорией виртуальной реальности, которая наполнена бесчисленным количеством *фейков*, причем как информационных, так и операционных. Начнем с того, что само название не отражает реальности. Конфликт уже давно перестал быть *сирийским*, а захватывает как минимум несколько других государств, являясь уже не локальным, а классическим региональным конфликтом с элементами внешнего вмешательства. *Сирийский конфликт* показал и колоссальные возможности социального и политического конструирования, и пределы возможностей такого конструирования. Которые — пределы — оказались очень просты и банальны: созданная или финансируемая кем-то сущность всегда обладает значительной автономностью от создателя и реализует свои и только свои интересы. Но главное даже не это. Главное, что процесс социального проектирования можно запустить, но очень сложно остановить.

Третье. *Сирийский конфликт* выявил масштабы *теневых* экономических интересов в глобальной экономике. *Прото-государственность* ИГ, а такая, безусловно, сформировалась на наших глазах, имела весьма солидную экономическую базу, которая в мире была широко востребована. Причем в том числе и в странах, которые считают себя частью глобальной экономики. Например, в Турции. И это неслучайно. Если хотите, *сирийский кризис* показал неизбежность кризиса современной мировой экономики, которая не может одновременно наполняться все более изощренными и мощными регулятивными инструментами и одновременно расширять *теневой* сектор в значимом и полностью глобализированном сегменте мировой экономики. Тут надо отметить, что экономическая база ИГ состояла не только из нелегально добываемой нефти, о чем многократно писалось²⁸, или предметов античности, любезно поставляемых боевиками в частные коллекции, но и, например, фосфатов. А это существенно более сложный для продвижения на рынке продукт. Однако же, у ИГ получалось. Ну и, конечно, нельзя не отметить, что приговор современной экономической системе вынесло именно ИГ (запрещенная в России террористическая организация), когда начало выпускать собственные деньги и когда их стали принимать не только на территории, которую ИГ захватило.

Четвертое. *Сирийский конфликт* был фактически первым конфликтом современной эпохи, в котором идеология, а не иные факторы (этничность, экономика, политические противоречия) сыграла роль драйвера. Конечно, идеологические факторы были заметны и в вооруженных конфликтах раньше, но они никогда не были решающими. И в *сирийском* конфликте тоже есть и экономика, и политика (хотя в гомеопатических дозах), и этнический фактор. Но главным был все же фактор идеологический. То есть система глобализации, которая не предусматривает никакого идеологического наполнения, треснула настолько, что появилось значимое место для идеологических конструкторов весьма сложносочиненного типа (сно-

ска на идеологию ИГ), которые, несмотря на свою ярко выраженную антисистемность, становятся привлекательными.

Пятое. *Сирийский конфликт* стал первым конфликтом, в котором явно прослеживается фактор цивилизационного разлома. Впервые возникла реальная сила, которая, по крайней мере на политическом уровне (экономические связи и скрытые отношения оставим чуть в стороне, в данном случае это не столь важно), организовано и небезуспешно боролась за то, чтобы перестать быть тем, что именуется *цивилизированный мир*, то есть Запад и его сателлиты. Самое важное в том, что эта парадигма оказалась очень привлекательной. При всем этом структура сирийского конфликта существенно отличается от предсказаний С. Хантингтона, поскольку не является в чистом виде этно-религиозной. Раскол по признаку *цивилизационности* оказался гораздо грубее, но одновременно глубже и комплекснее. Мы, вероятно, имеем дело с новым геополитическим феноменом, который еще только предстоит осмыслить в полной мере, но который уже становится фактором глобальной дестабилизации военно-политической обстановки.

Шестое. Прецедент огосударствления *сетевой* организации на базе антисистемной идеологии. Самое опасное в прецеденте ИГ — это не то, что эта организация смогла захватить значимые, в том числе с точки зрения ресурсов, территории. И даже не в том, что она смогла встроиться в экономические потоки. Сомалийские *пираты* тоже вполне успешно глобализировались, а затем монетизировались. Проблема в том, что изначально *сетевая* организация ИГ смогла как минимум выработать в себе зародыш иерархической организационной структуры с вектором развития в сторону государства. Нет, конечно, никаким *прото-государством ИГ* на момент начала российской операции не было, до этого статуса было очень далеко. Почти недостижимо. Но вектор, в том числе и идеологический, на создание именно иерархической структуры был совершенно очевиден.

Наконец, **седьмое.** *Сирийский конфликт* в том виде, как мы его наблюдали последние два года, стал, как это ни странно прозвучит, продуктом отсутствия российско-американского партнерства. Не просто разлад, но отсутствие стратегического взаимопонимания между Россией и США, потеря ощущения *пределов риторики*, а также — в не меньшей степени — игнорирование друг друга, неготовность американской элиты не то чтобы признать, но даже обсуждать новый статус России в мире при неготовности российской элиты системно доказать свой новый статус и продемонстрировать возможности и привели к тому, что в трещины российско-американского взаимодействия стали заползать *иные* силы. *Профит* которых заключался именно в эксплуатации напряженности между двумя странами. И, надо сказать, у них это неплохо получилось. Т.Р. Эрдоган под шумок российско-американских разборок сумел построить практически тоталитарную исламистскую империю, вскормленную на нефти ИГ. Что-то подобное уже было в 1980-е, когда на *дрожжах американских денег* для борьбы с советским присутствием зарождалась идея *большого Пакистана*, превратившаяся в движение *Талибан*.

Вопрос, что из этих проявлений особого, если хотите, *пионерного* характера *сирийского конфликта* станет стратегической тенденцией, впрочем, следует оставить открытым. Но то, что конфликт в Сирии и Ираке создал целую *россыпь* весьма опасных прецедентов и обстоятельств, — бесспорно.

НАТО ВО МГЛЕ

Одной из наиболее очевидных коллизий современной глобальной военной политики является практически полное исчезновение НАТО с информационной и операционной арены. В ситуации вокруг Украины НАТО еще проявляло признаки жизни, пусть и в качестве младшего пропагандистского партнера США. Достаточно вспомнить скалькированные с американских заявлений доведенные до пропагандистского предела по форме высказывания Ф. Расмуссена и Й. Столтенберга — они хотели быть *святей* американского президента, но сказать им было особо нечего. Конфликт в Сирии и Ираке для НАТО в принципе не существовал, причем ни с политической, ни с военной точек зрения. Не считать же участием НАТО в конфликте разовые комментарии его Генерального секретаря, да еще, как правило, *не по делу*. Тут даже участием в пропагандистском обеспечении не пахнет.

И это несмотря на декларирование глобального характера интересов Альянса и то, что конфликт развивался в одном из наиболее чувствительных для НАТО регионов мира, в Восточном Средиземноморье, да еще был отягощен *кризисом беженцев, заполонивших* страны НАТО. Так что говорить, что конфликт в Сирии не затрагивал интересы НАТО, могут только очень наивные люди. Затрагивал, в том числе и с формальной точки зрения.

В этом, вероятно, есть очень большой политический смысл: кризис НАТО длится уже довольно долго. Можно, вероятно, говорить, что он был инициирован неудачным опытом прямого управления операцией по стабилизации в Афганистане. Однако в тех случаях, когда НАТО и, прежде всего, США *играли первым номером*, кризис был контролируемым и не выходил за рамки обычных разговоров, что, мол, *НАТО уже не то*, которые ведутся с 1970-х годов. Когда же НАТО столкнулся с активным и агрессивным противником, который стремился навязать свои *правила игры*, — отложим пока в сторону конспирологические версии произошедшего в Сирии и Египте, — этот кризис стал до неприличия явным. НАТО просто исчез с операционной арены как интегрирующая и управленческая структура, хотя, объективно говоря, более удобной структуры, чем НАТО, для координации усилий западной антитеррористической коалиции трудно себе представить. Тем более что все *детские* ошибки уже были и сделаны, и исправлены в ходе операции в Афганистане. И можно было показать *класс* военной координации и оперативно-го реагирования. Показательно, что в мерзкой и трагичной истории с уничтожением российского самолета Су-24 М НАТО практически самоустранился от участия в судьбе одного из своих членов, который еще некоторое время назад считался ключевым.

Помимо того приятного для российских специалистов обстоятельства, что скрытый кризис НАТО, о котором иные говорили еще с 1970-х годов в связи с политикой *разрядки*, наконец-то стал явным, нельзя не обратить внимания еще на несколько важных обстоятельств.

Прежде всего, на то, что вопрос о *европейской оборонной идентичности* через некоторое время, хотя бы и в рамках усиления антитеррористической риторики, может стать вновь актуальным. Особенно учитывая тот шок, который произвели на *вовлеченных обывателей* террористические акты в Париже. При этом молчание Германии и ее отказ участвовать в антитеррористической коалиции против ИГ не только говорят о глубине кризиса европейских оборонных институтов, но и под-

черкивают то неожиданное, прямо скажем, обстоятельство, что место лидера *европейской оборонной идентичности* вдруг оказалось вакантным. Понятно, что на это место не так много претендентов (по сути, если *откинуть* Германию, то это Франция и Польша), но сама по себе ситуация весьма интересна.

Не исключу в связи с этим, что некоторые политические силы могут поставить вопрос о пересмотре характера и глубины военно-политических обязательств США перед Европой. В конечном счете, НАТО как таковой был частью общей системы атлантических взаимоотношений, которая интенсивно надстраивалась в последние годы политическими (санкции против России и политическое участие в украинской гражданской войне) и экономическими (Трансатлантическая зона свободной торговли) компонентами. Вопрос в том, что обязательства США перед Европой в последние два года стали неадекватны тем рискам, которые США стали создавать для европейских стран. Причем риски эти стали понятны не только *яйце-головым* из университетов, но и весьма широкой массе европейцев. Кто и почему ответственен за *кризис беженцев* в Европе, в действительности хорошо поняли, и именно с этим связан рост пророссийских настроений в рядах общественности при сохранении подчеркнуто негативного отношения к России со стороны элит.

Не надо забывать, что от разговоров о *европейской оборонной идентичности* полшага до постановки вопроса о европейской политической идентичности, которая и так сильно пострадала из-за ренационализации политики безопасности (хотя бы в форме контроля границ) в ходе *кризиса беженцев*. А это такой *ящик Пандоры*, который европейцам стоит открывать только в самом крайнем случае.

Причем все это происходит на фоне относительного падения авторитета США и втянутости американцев в слишком большое количество военно-силовых и военно-политических ситуаций, для участия в которых ресурсов стало не хватать. То есть вопрос о *европейской оборонной идентичности* начинает приобретать вполне очевидный *прикладной* характер.

Итак, основания для пересмотра характера отношений имеются, вопрос в том, насколько европейские политики обладают волей для того, чтобы поставить вопрос о *перераспределении бремени* и указать Вашингтону, что свои завтраки американцы должны оплачивать сами.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ БРОСОК ЧЕРЕЗ БИТОЕ ПОЛЕ

Конечно, в завершение этого материала можно пуститься в пространные рассуждения о том, что Россия с возвращением Крыма и операцией в Сирии вернулась в число *великих держав*. Благо США и ЕС своим безволием и любовью к разного рода сомнительным комбинациям с сомнительными контрагентами сами создали тот вакуум, в который и вошла Россия со своими нехитрыми и, если допустим этот термин, *искренними* политическими подходами. А также с зубодробительными военными инструментами. С другой стороны, можно порассуждать о развитии международной ситуации в терминах *прорыва Россией дипломатической блокады*, которую Запад милостиво позволил прорвать²⁹, чтобы не усугублять и без того неблестящую международную ситуацию.

Однако более продуктивным было бы посмотреть на наблюдаемые нами в последние полгода процессы с более долгосрочной точки зрения. В конечном счете, мы

все, вероятно, согласны с тем, что прежний комфортный потребительский мир уходит в геополитическое и геоэкономическое небытие, и ему на смену приходит нечто новое и существенно менее комфортное. Значит, и действия крупнейших держав мира сейчас — и именно сейчас — нацелены на то, чтобы сделать рождение этого нового мира, вернее, *прорастание* нового мира через мир старый чуть более комфортным. А то, что действия ключевых стран мира (США, Китая, Индии, России, в какой-то степени Германии) были продиктованы именно неким видением будущего стратегического контекста (возможно, ошибочным и точно сильно разнящимся — это к вопросу о *конце истории*), сомневаться не приходится.

Итак, в конечном счете в основе всех основных процессов современного мира лежит борьба за контроль над логистикой будущей системы международных отношений. Для каждой страны логистика бывает внешняя и внутренняя. Внутренняя логистика — это *связность* территории, обеспечивающая эффективность системы политического и экономического управления. Внешняя логистика — это наличие контролируемого доступа к внешним рынкам и ключевым в глобальном смысле транспортным коммуникациям.

С этой точки зрения внешняя логистика постсоветской России находилась в чудовищном состоянии. Неконтролируемый доступ Россия имела к тем направлениям, где нас *не ждали*, как, например, к Дальнему Востоку: согласимся, наши *замечательные китайские партнеры* далеко не в восторге от перспективы получить Россию в качестве самостоятельного геоэкономического игрока. Либо к тем направлениям, где почти не было инфраструктуры (Север, Арктика) и создавать ее было крайне сложно и затратно. Остальные же транспортные коридоры контролировались *нашими замечательными партнерами* по СНГ, которые, надо сказать, с Россией не очень церемонились. И тут показательны даже не чудовищные, доходящие порой до хамства поступки со стороны постсоветских государств, относящиеся к середине 1990-х, а наша недавняя действительность. То, с каким *пониманием* наши партнеры по ЕАЭС восприняли решение России об экономических санкциях в отношении Запада.

В этом смысле, когда разные американские политики говорили о России, как о региональной державе, они, в сущности, были правы. С той внешней (да и внутренней) логистикой, которая была у нашей страны после 1991 г., претендовать на глобальный статус было бы опрометчиво, если не бессмысленно. Даже с Европой Россия была вынуждена говорить через посредников.

То, что происходит сейчас, — активизация России на *внешнем контуре* своего геоэкономического пространства, в Сирии, в Иране, во Вьетнаме, в Египте, даже в забытой одно время Никарагуа — это попытка выйти из тупика *ближней логистики*. То есть до известной степени снять риски, связанные с попытками наших соседей по постсоветскому пространству взывать с России дополнительную *логистическую ренту*, регулируя доступ страны на внешние рынки.

Действительно, в последние годы обозначились новые направления глобальной логистики, участие в которых в той или иной степени является исключительно важным для России уже в среднесрочной перспективе. США могут хотя бы надеяться обеспечить себе лидирующие позиции за счет продавливания соглашений о свободной торговле. Классическим примером чего стало почти тайное подписание соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, которое уже откровенно являет-

ся замкнутым торговым блоком с неявно выраженной пока военно-политической составляющей. А вот для России принципиальной задачей является снятие *барьеров для доступа* к рынкам. Задача, мало сказать, нетривиальная. Если мыслить пределами постсоветского пространства — в принципе нерешаемая.

Да, конечно, в такого рода действиях важно соблюдать баланс между военными и невоенными инструментами. Однако совершенно необязательно, что в новом мире будет сохранять правоту традиционная идея о том, что главными должны быть инструменты экономические. Тем более что в том регионе, через который Россия пробивает себе коридор к новым рынкам, военная сила может оказаться более эффективной, нежели экономические договоренности, ей не подкрепленные.

Маленький пример: наличие стратегических договоренностей с Ираном и контролируемого коридора на Сирию даст возможность осуществлять реализацию проекта стратегического коридора *Север-Юг* с меньшей зависимостью от наших партнеров по постсоветскому пространству. А если посчитать косвенные расходы, то и много дешевле. В конечном счете, в условиях острого противостояния с США лояльность постсоветских стран России приходилось покупать втридорога. И в этом смысле соглашения с Ираном о развитии экономического сотрудничества с акцентом именно на транспортную отрасль можно и нужно считать действительно *прорывными*.

Насколько этот маневр окажется стратегически успешным, пока сказать очень трудно. Но то, что он совершается и будет иметь существенные политические и экономические последствия, в том числе и внутри России, — бесспорно. Прежде всего, для тех постсоветских государств, которые исходили из незыблемости своего статуса регуляторов доступа российского экспорта на мировую арену. И, к слову, это говорит о глубоком скепсисе российского руководства относительно перспектив постсоветского пространства, особенно с точки зрения экономических перспектив.

Собственно, трансформация нового военно-политического статуса России в некие геоэкономические дивиденды и будет, вероятно, составлять главную задачу российской политики на наступающий 2016 г. Это, нравится нам или нет, безальтернативная реальность, данная нам в политических ощущениях.

А уж как эта задача будет выполнена, то нам пока неизвестно. Но если эта трансформация случится, то следует признать все издержки, связанные с действиями России в последние годы, включая санкции, вполне оправданными.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- 1 Хотя это и безумие, но в нем есть логика. William Shakespeare. Hamlet. Act 2, scene 2
- 2 Транстихоокеанское партнерство (ТТП) включает в себя создание зоны свободной торговли, а также меры по улучшению инвестиционного и делового климата, соблюдению трудовых и экологических стандартов, прав на интеллектуальную собственность и либерализации инвестиционного режима и так далее. В ТТП входят США, Канада, Мексика, Перу, Чили, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Вьетнам, Малайзия и Япония. Большие выгоды от создания ТТП получат США, экспорт которых вырастет к 2025 г. на 124 млрд долл.; Япония, ее экспорт может вырасти на 14%, а ВВП — более чем на 2% ежегодно, Вьетнам и Малайзия, чей ВВП вырастет в 2012 г. на 6 и 13%

- соответственно. Наибольшие потери понесет Китай — примерно на 0,3 процентных пункта ВВП в год и 1,2 процентных пункта экспорта в год, а также Европа, Индия и Россия. Подробно см.: Ярослав Лисоволик. Мегаломания мегаблоков. Транстихоокеанское партнерство как высшая стадия регионализма. *Россия в глобальной политике*. № 6, ноябрь/декабрь 2015 г.
- 3 Владимир Путин. *О наших экономических задачах*. Ведомости. № 3029. 31 января 2012 г.
  - 4 *Table S3: R&D expenditure as a share of GDP and in purchasing power parity (PPP) dollars, 2009–2013*. Statistical annex. UNESCO Science Report. Towards 2030. Paris. 2015. Pp. 756–758
  - 5 Leonid Gokhberg and Tatiana Kuznetsova. *Russian Federation*. UNESCO Science Report. Towards 2030. Paris. 2015. P. 357
  - 6 Технология плазменного импульса себестоимостью в настоящее время чуть выше 20 долларов за баррель, вытесняющая гидроразрыв пластов, не требует больших объемов воды, экологически более безопасна и существенно повышает отдачу месторождений.
  - 7 Владимир Фролов. *Внешняя политика: Дипломатия освобождения*. Ведомости. № 3969 от 27 ноября 2015 года. <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/27/618588-diplomatiya-osvobozhdeniya#/>.
  - 8 Václav Havel “A Conscience Slumbers in Us All: Commencement Speech at Harvard University”. June 1995. Цит. по: Сейла Бенхаbib. «Притязания культуры». Москва. Логос. 2003 г. Стр. XLIX
  - 9 Игорь Яковенко. *Терроризм*. Нева. 2005 г. № 12. <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html>
  - 10 Вооруженные сила режима Асада состоят из сухопутные войск — Сирийской арабской армии (Syrian Arab Army), ВВС и ВМФ. Сирийская арабская армия (САА) включает в себя, помимо восьми обычных (conventional) дивизий, также специализированные, а точнее, элитные соединения: Республиканскую гвардию (мотострелковая дивизия численностью около 25 тыс. человек), предназначенную для обороны Дамаска, — единственное войсковое соединение, которому разрешен вход в центр столицы; Силы специального назначения (14-я и 15-я дивизии и четыре полка специального назначения), представляющие собой мобильные соединения легкой пехоты, части которых перебрасываются на наиболее опасные участки фронта, а также 4-ю бронетанковую дивизию, командиром которой является младший брат Б. Асада и фактически второй человек в иерархии режима М. Асада.
  - 11 Joseph Holliday. *The Assad Regime: From Counterinsurgency to Civil War*. Institute for the Study of War. March 2013, P. 33; Christopher Kozak. *An Army in all corners. Assad's campaign strategy in Syria*. Middle East Security Report 26. The Institute for the Study of War. April 2015. P. 13.
  - 12 «Призраки на стероидах»: СМИ рассказали о тайных убийцах Асада. NEWSru.co.il. 11 июня 2012 г. — http://newsru.co.il/mideast/11jun2012/shabiha_a205.html
  - 13 Christopher Kozak. *An Army in all corners. Assad's campaign strategy in Syria*. Middle East Security Report 26. The Institute for the Study of War. April 2015. P. 15.
  - 14 Алавитов обычно называют разновидностью шиизма или шиитской сектой, но, строго говоря, их даже нельзя назвать мусульманами. Одни ученые считают их религию своеобразной смесью раннего христианства и дохристианских верований, распространенных в древности на Ближнем Востоке. Другие добавляют к этой смеси элементы, заимствованные из ислама. Сами алавиты называют себя шиитами. Но они отвергают шариат, соблюдают христианские праздники, во время которых читается Евангелие, причащаются вином и в то же время практикуют поклонение солнцу, луне, вечерней и утренней заре. Их священные книги не опубликованы и доступны только членам общины. Алавиты провозгласили себя шиитами по вполне очевидной причине: сирийская конституция предполагала, что президентом страны может быть только мусульманин. Поэтому в 1973 г., вскоре после захвата власти Х. Асадом, Совет алавитских шейхов заявил, что они почитают 12 имамов и, следовательно, такие же шииты, как и в Иране и Ираке. По похожему политическим причинам в том же 1973 г. лидер иракских шиитов Великий аятолла Хакими подтвердил это, издав специальную фетву, а после победы исламской революции аналогичную фетву издали в Иране.
  - 15 *Армия завоевания (Джейш аль-Фатх)* — возникшая в марте 2015 г. зонтичная коалиция оппозиционных группировок, главную роль среди которых играет *Харакат Ахрар аш-Шам аль-Ислами (Исламское движение свободных людей Шама)*, являющаяся, в свою очередь, союзом салафитских группировок. Помимо *Ахраар аш-Шам* в *Армию завоевания* входят *Джабхат ан-Нусра*, а также ряд относительно умеренных исламистских формирований.
  - 16 *Совещание о действиях Вооруженных Сил России в Сирии*. 17 ноября 2015 г. — <http://kremlin.ru/events/president/news/50714>

- 17 В МГПС входят Германия, Европейский союз, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Италия, Катар, Китай, Ливан, Лига Арабских Государств, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Организация Объединенных Наций, Россия, Саудовская Аравия, Соединенное Королевство, США, Турция и Франция.
- 18 *Заявление Международной группы поддержки Сирии*, Вена, 14 ноября 2015 г. — http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/1941109
- 19 Георгий Мирский. *Сирия: коалиция или показуха?* Эхо Москвы. Блог. 19 ноября 2015 г. — http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1661394-echo/
- 20 Махлуфы — семейный клан А. Махлуф, жены Х. Асада
- 21 Western leaders agreed to extend Russia sanctions by six months: diplomat. Reuters. Nov 21, 2015 <http://www.reuters.com/article/2015/11/21/us-eu-russia-sanctions-idUSKCN0TAOXH20151121#SjL1JveVPkJww25j.99>
- 22 Сергей Сумленный. *Изгнаны и убиты*. Эксперт online. 28 июля 2008 г. — http://expert.ru/expert/2008/30/izgnany_i_ubity/
- 23 Составлено по данным: Asylum-seekers and refugees. A Statistical report. Volume1. EC Member States. Statistical Office of the European Communities. Luxembourg. 1993; Focus Migration. Country profile European Union. N 17. March 2009. Hamburg Institute of International Economics. Hamburg; Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. Eurostat Statistical book. Luxembourg. 2011; Asylum applicants and first instance decisions on asylum applications. Eurostat. Доклады за 2011–2015 годы.
- 24 Составлено по данным Eurostat: Asylum applicants and first instance decisions on asylum applications за соответствующие годы.
- 25 Украина после выборов: обострение в Донбассе. 2 декабря 2015 г. www.svoboda.org/content/transcript/27370541
- 26 Владимир Фролов. Внешняя политика: Дипломатия освобождения. Ведомости. № 3969 от 27 ноября 2015 г. — <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/27/618588-diplomatiya-osvobozhdeniya#/>.
- 27 См. Месснер Е. Э. Всемирная мятежвойна. — Москва: Издательство «Кучково поле», 2004
- 28 Tracking Crude's Journey — From Islamic State To Western Markets. <http://oilpro.com/post/20211/tracking-crude-journey-islamic-state-to-western-markets>
- 29 Классический пример подобного подхода: развернутая статья А. Баунова «Венский концерт. Почему России простили Сирию». http://carnegie.ru/commentary/2015/11/02/ru-61836/iksf?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRouu6zIzKXonjHpfSx56OgpUKa3IMl%2F0ER3fOvrPufGjI4GS8Vil%2BSLDwEYGJlv6SgFSrnAMbBwzLgFWHl%3D